

Улицы бурлили жизнью. Крики торговцев безделушками и лоточников со всякой снедью сливались в нестройный, оглушительный гул. Среди этой суеты неспешно шли двое юношей, чья яркая внешность невольно приковывала восхищенные взгляды прохожих.

— Сюй Нуо... Уже три дня прошло, — хмуро пробормотал юноша в богатых шелках, уныло дергая за рукав своего спутника в белом одеянии.

— М-м? — Сюй Нуо остановился и посмотрел на него. Он смотрел с недоумением — он явно ждал пояснений.

Лин Цзюмо выставил перед собой палец и обиженно надулся:

— Я три дня маковой росинки во рту не видел!

В его некогда чистых, искристых глазах застыла вселенская скорбь.

Сюй Нуо на мгновение опешил. Сам он к еде относился равнодушно и мог обходиться малым, но совсем позабыл, что его спутник — избалованный роскошью благородный юноша, которому пришлось делить с ним все тяготы бродячей жизни и ночевать под открытым небом. На душе заскребли кошки. Ведь он обещал Вэнь Цайэр заботиться о принце, а в итоге морит парня голодом...

— У меня нет денег, — после недолгого молчания признался Сюй Нуо.

Он невольно покосился на лоток у обочины, где шкворчали золотистые жареные лепешки из клейкого риса. Выглядели они чертовски аппетитно.

— Нет денег? — Лин Цзюмо уставился на его пояс. — А ну-ка, отдавай ту яшмовую подвеску, что я тебе подарил.

Заметив, что Сюй Нуо раскаялся, принц мысленно потер руки — именно этого он и добивался.

Сюй Нуо с явной неохотой отвязал от пояса драгоценный зеленый нефрит и протянул Лин Цзюмо. Сам он мало смыслил в золоте и камнях, но эта вещица была сработана столь искусно, а сам камень был так приятен на ощупь, что он часто крутил его в руках от скуки. Да и вообще, кто там говорил, что подарки назад не забирают?..

Заметив его тоску, Лин Цзюмо вздохнул и с наигранным великодушием вложил подвеску обратно в ладонь Сюй Нуо.

— Ладно уж, — мученическим тоном выдохнул он. — Так и быть, поголодаю еще денек-другой. Не помираю ведь пока.

Сюй Нуо почувствовал, как к горлу подкатил теплый комок. Этот мальчишка, хоть и умел прятать свои капризы за маской упрямства, вряд ли когда-либо в жизни знал настоящие лишения. Столько дней скитаться по лесам и дорогам, спать на сырой земле, а теперь еще и голодать... И ведь ни разу даже не заикнулся о том, чтобы бросить всё и вернуться в свой золоченый дворец.

Не успел Сюй Нуо опомниться, как Лин Цзюмо бесцеремонно схватил его за руку и потащил за собой:

— Эй, глянь туда! Чего это там народ столпился? Пошли поглядим, наверняка что-то интересное!

Они немного потоптались в сторонке. Ни один из них так и не набрался смелости втиснуться в толпу, благоухающую застарелым потом и грязным тряпьем нищих.

В Лин Цзюмо вскипела привычная спесь. Уходить не солоно хлебавши он не желал. Потеряв терпение, он с размаху пнул подвернувшегося под руку зеваку маргинального вида, так что тот полетел на землю, и грозно рявкнул:

— Слышь, урод! Чего там происходит?

Тот только-только увлекся зрелищем, как вдруг растянулся в пыли. Ошарашенный наглец уже набрал в грудь воздуха, чтобы разразиться отборной бранью, но фиолетовый сапог, безжалостно вдавивший его грудную клетку в землю, мгновенно остудил его пыл. Бедолага задрал голову, увидел перед собой статного господина в роскошных одеждах и, лебезя, затараторил:

— Господин, пощадите! Там объявление вывесили... Говорят, дочка самого канцлера Юя умом тронулась! Тому, кто исцелит молодую госпожу, обещано вознаграждение — десять тысяч лянов серебром! Не желает ли молодой господин...

Договорить он не успел — Лин Цзюмо брезгливо отшвырнул его пинком.

— Ну вот, сами себе на пропитание и заработаем! — воскликнул Лин Цзюмо. Он хищно прищурился и азартно улыбнулся.

Сюй Нуо опешил:

— Помилуй, но я же не лекарь.

Лин Цзюмо смерил его оценивающим взглядом, призадумался на миг, а затем бросил:

— Обожди здесь.

Он растворился в толпе и уже через минуту вернулся, победно вертя в руках изящный вышитый платок.

— Мне не жарко, — Сюй Нуо поспешно отступил на шаг. К чему взрослому мужчине бабский шелковый платок с цветочками? Но тут его осенило, и он прищурился: — Погоди, а где ты его взял?

— Да подарили, — беспечно отмахнулся Лин Цзюмо, разглядывая узоры на тонкой ткани. Он лукаво прищурился и посмотрел на Сюй Нуо: — А вышивка-то на славу, тонкая работа.

Сюй Нуо мысленно усмехнулся.

«Сам бы небось брезговал прикоснуться к такой дешевке, а мне сует...»

— Нехорошо забирать чужие вещи, — покачал головой Сюй Нуо, делая еще шаг назад.

— Да говорю же тебе — сами отдали! Я просто постоял рядом с прилавком, глазками похлопал, и торговка мне его протянула. Бесплатно! — ничуть не смутившись, соврал Лин Цзюмо.

Сюй Нуо проследил за его жестом. И действительно, поодаль у лотка сидела тучная старушка лет шестидесяти и, расплываясь в умиленной улыбке, махала им рукой. Поглядев на довольную физиономию Лин Цзюмо, Сюй Нуо лишь мысленно вздохнул. Прохиндей, конечно, но до чего же обаятельный... против его чар никто устоять не может.

Лин Цзюмо подошел ближе и помахал платком прямо перед его носом, заговорщицки прошептал:

— Ну же, иди сюда...

— И не подумаю, — отрезал Сюй Нуо, пытаясь уклониться.

— Дай-ка я сам тебя принаряжу, — парень еще сильнее сощурился и лукаво ухмыльнулся.

— Сказал же — нет, — Сюй Нуо был непреклонен. Пусть на белом шелке красовались всего лишь неброские дикие орхидеи, сама мысль о том, чтобы нацепить этот лоскут, вызвала у него протест. Как-никак, он был человеком из двадцать первого века, и подобные аксессуары претили его натуре.

Лин Цзюмо мгновенно перестал улыбаться. Он скорбно поджал губы и нахмурился, изображая

крайнюю степень уныния. Сюй Нуо уже решил, что буря миновала, но не тут-то было. Юноша тяжело вздохнул и негромко произнес:

— Слышал я, что на четвертые сутки голода человек замертво падает...

У Сюй Нуо нервно дернулось веко, но он промолчал, стараясь не поддаваться на провокацию.

Лин Цзюмо искоса понаблюдал за его реакцией и запричитал еще жалобнее:

— Ну и пусть. Матушки всё равно больше нет на свете, я никому не нужен, так какая разница, где кости сложить...

— Ладно, сдаюсь, — Сюй Нуо сокрушенно вздохнул.

Против этого театрального пафоса у него не было оружия. Он прекрасно понимал, что принц нагло манипулирует им, но устоять перед этой фальшивой, но такой трогательной тоской в голосе просто не мог.

Лин Цзюмо мгновенно просиял. С ловкостью заправского фокусника он обвязал шелковый платок вокруг лица Сюй Нуо так, что снаружи остались лишь глаза. На дворе стояло начало весны, дышалось легко, так что плотная ткань не причиняла неудобств.

— Вот видишь! — самодовольно протянул принц. — Тебе даже тряпка на лице к лицу! Самый красивый парень в Поднебесной.

Сюй Нуо лишь холодно посмотрел на него и попытался поправить повязку. Ощущение было непривычным и раздражающим. Однако Лин Цзюмо нисколько не кривил душой: Сюй Нуо и без того обладал благородной, утонченной красотой, а белая шелковая маска лишь добавила его облику таинственности, превращая в загадочного небожителя, сошедшего с гор.

Сюй Нуо оглядел свой нелепый наряд и смирился с неизбежным.

«Чтоб я еще раз на это подписался... Да ни за что на свете»

Но стоило ему поднять взгляд на Лин Цзюмо, как он едва не поперхнулся от изумления.

Куда делся изящный красавец-принц? Перед ним стоял субъект с землисто-желтым лицом. Его брови топорщились в разные стороны, точь-в-точь как пара старых банных веников, а вокруг правого глаза расплылся жуткий лилово-красный кровоподтек. И только статная, царственная осанка выдавала в этом карикатурном уродце благородную кровь. Если бы не знакомый хитрый прищур левого глаза, Сюй Нуо решил бы, что перед ним чужак.

«Неужто это и есть та самая хваленая техника изменения внешности?» — поразился он.

И надо же было так изуродовать собственное лицо! Ладно канцлер Юй — родная матушка, покойная императрица Вэнь Цайэр, и та бы сейчас не признала свое чадо в этом чучеле.

— Может, сходишь и себе платок попросишь? — из чистого сострадания предложил Сюй Нуо. Смотреть на это безобразие без содрогания было решительно невозможно.

— Чего? — Лин Цзюмо опешил, но быстро сообразил, к чему клонит спутник. Он гордо закинул руки за спину и фыркнул: — Чтобы я, взрослый мужик, нацепил на себя девичью тряпку? Ну уж нет!

Сюй Нуо лишился дара речи.

«Значит, мне, по-твоему, можно?!»

Не успел Сюй Нуо потянуться к платку, чтобы сорвать его, как Лин Цзюмо бесцеремонно ухватил его за щеку:

— Ну-ну, руки прочь. Этот принц скорее себя изуродует, чем позволит хоть единой пылинке упасть на твою безупречную красоту.

Они замерли, глядя друг другу в глаза. Принц едва заметно покраснел, а его взгляд затуманился от нежности. Сюй Нуо сухо кашлянул, возвращая его с небес на землю и напоминая, что они вообще-то стоят посреди людной улицы. Романтическое наваждение испарилось без следа. Лин Цзюмо недовольно надулся и в порыве досады легонько прикусил Сюй Нуо за щеку прямо сквозь шелковую ткань.

Сюй Нуо окончательно лишился слов от такой наглости.

— Но лечить людей я всё равно не умею, — упрямо повторил он.

— Да я тоже не умею! — весело отозвался Лин Цзюмо. Наткнувшись на ошарашенный взгляд Сюй Нуо, он добавил с непоколебимой уверенностью: — Да брось ты, делов-то. Не вылечим — так хоть не угробим. Нам бы только денег раздобыть, а там видно будет.

Сюй Нуо скептически хмыкнул.

«И с чего он взял, что нам вообще заплатят?..»

Лин Цзюмо, начисто позабыв о том, на какое пугало сейчас похож, обернулся и заговорщицки

подмигнул:

— Не дрейфь. Предоставь всё мне, я знаю, что делать.

Даже ко всему привыкший Сюй Нуо невольно вздрогнул, узрев эту жуткую подмигивающую физиономию.

— Сделай одолжение, — попросил он, — не обращай больше. До самого дома канцлера.

Лин Цзюмо резко затормозил и, поднеся свое уродливое лицо почти вплотную к лицу Сюй Нуо, протянул разбойничьим тоном:

— А если этот благородный господин всё же пожелает на тебя взглянуть? М-м?

Сюй Нуо лишь обреченно прикрыл глаза. Лин Цзюмо бесцеремонно сгреб его под руку и потащил дальше по улице. К счастью, принц и сам понимал, что его нынешний облик далек от идеала, а потому больше не кривлялся и по сторонам не глазел.

У ворот поместья канцлера Юя яблоку негде было упасть. Кого здесь только не было: бродячие монахи, даосы в засаленных халатах, нищие, торговцы чудодейственными снадобьями... Вся шваль и авантюристы столицы слетелись на запах легких денег. Лин Цзюмо уверенно двинулся напролом через эту разношерстную толпу. От него по-прежнему веяло таким властным величием, что парочка стоявших на пути знахарей поспешила убраться подобру-поздорову.

Не успели они заговорить со стражей, как из ворот поместья с дикими воплями вылетел седовласый старик. Его роскошные одежды были изодраны в клочья, на белой бороде алели свежие брызги крови, а сам он мчался без оглядки, то и дело спотыкаясь. Было очевидно, что несчастный пережил нешуточное нападение и до смерти напуган.

«Здесь явно замешано что-то похлеще простого безумия», — подумал Сюй Нуо, поднимая взор к крыше усадьбы. Над ней клубился едва заметный, зловещий черный дым.

Лин Цзюмо сразу признал беглеца. Он ядовито усмехнулся и шепнул Сюй Нуо на ухо:

— Старик Юй совсем из ума выжил, раз позвал этого шарлатана. Если уж сам императорский лекарь Ли умыл руки, то девчонке точно крышка. Да и хрен бы с ней! У этого старого козла еще пятнадцать наложниц в запасе. Староват он, конечно, но при желании настрогает себе еще с десятков новых дочек, делов-то.